

Д. Д. Шамрай

КОЛЛЕКЦИЯ «РОССИКА»
В ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ
И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ СОБИРАНИЯ
И ИЗУЧЕНИЯ

Публикация Н. А. Гринченко

Д. Д. Шамрай

Историк русской литературы и книги XVIII века Дмитрий Дмитриевич Шамрай (1886 — 1971)¹ более двадцати лет — с 1911 по 1957 годы (с перерывом в 1930 — 1940-х) — работал в Императорской (Российской, Государственной) Публичной библиотеке. Первоначально, в 1910-х, он был сотрудником прежних отраслевых Отделений библиотеки — богословия и «Россики». В дальнейшем, в каких бы подразделениях Шамрай ни работал (в иностранном фонде, в группе использования каталогов и в других), он всегда занимался изучением истории, происхождения и состава рукописных и книжных фондов библиотеки. Научные разыскания Шамрая были тесно связаны с коллекцией «Россика».

Переписка Шамрая с А. Д. Люблинской², относящаяся к 1944 году³, проливает свет на предысторию написания публикуемого здесь доклада о коллекции «Россика» Публичной библиотеки. Этот доклад был сделан Шамраем 12 мая 1945 года на очередном заседании научной сессии, посвященной роли Публичной библиотеки в истории русской науки и культуры⁴. Из письма Люблинской к Шамраю от 29 апреля 1944 года следует, что еще в конце 1930-х или начале 1940-х Шамрай подготовил статью о коллекции «Россика» для сборника Публичной библиотеки, приуроченного к двадцатипятилетней годовщине Октября⁵. Издание, однако, не состоялось. Люблинская предложила Шамраю передать его статью в московский «Исторический журнал» и порекомендовала при этом несколько изменить характер изложения материала. Статью, по ее мнению, следовало сделать «а) более информационной, б) более исторической, в) менее библиотечной, г) более популярной, д) более короткой»⁶. Шамрай, по-видимому, не согласился с этими предложениями. В ответе Люблинской от 6 мая 1944-го он изложил свои взгляды на методику и перспективы изучения коллекции «Россика»⁷. Шамрай написал в частности: «По содержанию Вашего письма ко мне, указывающего пять признаков, которым должна удовлетворять будущая статья о собрании книг Rossica, отвечаю Вам сразу же, но не сгоряча, что самая трудная задача — это написать ее популярно и по стилю, и по методике. Популярная статья (но не компилятивная) мне очень напоминает сокращение дробей. Популярная статья не только не снижает удельного веса темы, но даже, наоборот, выпукло его показывает, отсекая весьма искусно все ответвления и украшающую листву. Хорошая популярная статья доставит удовольствие даже специалисту, но займет его внимание архитектурой материала: специалист при чтении такой статьи все время будет соглашаться или не соглашаться с тем, что именно отброшено, что подано автором ее. В таком случае читатель-специалист популярной статьи установит для себя, что автор статьи плохо владеет всей

совокупностью материалов данной темы, ошибочно их расценивает, а потому среди важного удержал и предложил неопытному читателю а) неважное, б) устарелое и т.[ому] п[одобное]. / В нашей же задаче популяризировать собрание Rossica самое основное будет показать не то, что уже извлечено из материалов Rossica, а то, что можно еще получить и что надо высосать для полнокровных научно-исследовательских работ. / Согласитесь сами, что с такими суждениями и показами Я выступать не могу. Ведь рядовой читатель-историк, как я его наблюдаю, еще недостаточно владеет иностранными языками. Самое важное уже переведено. Тематика ближайших лет мне совсем неизвестна <...>. / NB!! Чтобы написать хорошую популярную статью, надо сначала иметь MINIMUM хороший и подробный конспект большой статьи. / Глубокоуважаемая Александра Дмитриевна! Библиотекарь Шамрай должен понимать и текущие задачи, и перспективу развития исторической науки о России, а учить он не призван. Библиотекарь должен понимать, насколько один вид документов важнее другого. Напр.[имер], что дипломатические предатели — это дозволенные и допущенные шпионы, что путешественники XVIII века очень значительную опору <...> находили в дипломатических текущих делах своего министерства иностранных дел, что ни один путешественник предыдущих времен не ездил без поручений и рекомендаций своего правительства, что путешественники XX века — очень мало интересны (при быстроте транспорта их очевидность, СВИДЕТЕЛЬСКОЕ показание — совершенно ничтожны) <...>. / Если сделать всем материалам Rossica ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКУЮ ГРУППИРОВКУ, то на это тоже нужны большое время и право голоса»⁸.

Публикуемый доклад Шамрая имеет два важных аспекта. Во-первых, он касается россики как вида зарубежной печатной продукции о России, роли этих изданий в международной политике российского государства в различные исторические эпохи.

В этой части доклад Шамрая базируется на глубоком знании русской истории и литературы XVIII столетия⁹, приобретенном в результате изучения материалов архива Академии наук. Использование неопубликованных документов позволило автору глубже проанализировать значение всего комплекса изданий о России на иностранных языках для развития русско-европейских политических и культурных связей. Вместе с тем такой широкий подход вывел Шамрая за рамки тех критериев отбора литературы, которые были выработаны в 1850 — 1870-х годах организаторами Отделения «Россика»¹⁰. Шамрай выступил за исчерпывающее комплектование фондов этого библиотечного подразделения. В докладе он привел названия некоторых книг, тиражи которых были уничтожены сразу после выпуска в свет. Это, конеч-

но, затрудняет их поиск. С другой стороны, не все издания, упомянутые Шамраем в его выступлении, вошли в состав коллекции «Россика». Они хранятся в других подразделениях библиотеки (истории, филологии, естественных наук и прочих). Такой подход к теме, основанный на знании и анализе всех фондов библиотеки, с привлечением архивных документов, еще масштабнее представляет значение анализируемой исследователем литературы и его глубокое владение материалом.

Другой важный аспект доклада Шамрая состоит в описании самой коллекции (до 1930-х годов — Отделения) «Россика» Публичной библиотеки: автор осветил историю ее создания¹¹, особенности формирования, принципы комплектования и библиографирования¹². Шамрай сформулировал научное значение и политический смысл создания в середине XIX века в Императорской Публичной библиотеке Отделения «Россика», собрания в нем сочинений иностранных авторов о России, написанных представителями различных европейских стран на протяжении нескольких веков. Автор доклада подчеркнул приоритетное положение этого собрания в структуре библиотеки во второй половине XIX века. Он отметил международное научное значение как самой коллекции (оценив ее как «памятник мирового масштаба»), так и библиографических трудов, раскрывающих ее содержание.

Многие темы, которые Шамрай только наметил в своем докладе, получили развитие в исследовательской литературе последовавших десятилетий¹³. В этой связи Шамрай не только глубокий и всесторонний исследователь «Россики», но первый, кто обратился к изучению названной коллекции после 1917 года.

Текст доклада публикуется здесь почти полностью. Исключен фрагмент, касающийся книг на греческом языке (эта литература, из-за ее специального алфавита, еще в 1860-х годах была выведена из «Россики» и передана в Восточное отделение), а также купированы немногочисленные фрагменты, огороженные в справке составителя.

Автор публикации выражает благодарность сотрудникам РНБ И. Г. Яковлевой, Т. А. Афанасьевой, М. И. Ткаченко и Г. А. Фафурину за помощь в подготовке публикации.

Наша библиотека получила от Императорской Публичной библиотеки в качестве наследства очень большое собрание книг, которое называлось Отделение «Россика».

Несколько слов о влиянии структуры библиотеки на такое название. Публичная библиотека разделялась на рукописный фонд и печатный фонд. Печ-

чатный фонд, в свою очередь, разделялся на две группы. В одной группе были собраны книги на русском, украинском и белорусском языках, а в другой находились книги на иностранных языках, пользующихся латиницей в своей письменности. Отдельно собирались книги на остальных славянских языках, применяющих кириллицу петровского типа, и совсем особо хранились книги на еврейском языке, не смешиваясь с продукцией узорных шрифтов.

Если русское отделение было безбрежное море всех книг гражданской печати, то книги на мертвых и живых языках латиницы (включая искусственные языки) были разбиты по главнейшим научным отделениям: были организованы Отделение книг по естественным наукам, по языкознанию, по истории, по философским наукам и другие. И в эту структуру со времен Корфа решили ввести новое звено — собрание книг на иностранных языках о России¹⁴.

Соответственно важности тематики, этому собранию придавали чрезвычайное значение, возвели его на положение коллекции внутри мирового хранилища и обеспечили ей исключительные преимущества в сравнении с теми фондами, к которым она была отнесена по шрифтовому признаку.

Все иностранные фонды Публичной библиотеки комплектовались по принципу отбора. Только лучшие сочинения, дающие сводку или итоги пройденного важного пути, полные собрания сочинений, только сочинения, которые были выполнены очень хорошо, с употреблением лучших технических средств, не останавливаясь перед большой дороговизной, а в особенности периодические издания, приобретались Библиотекою на государственные средства.

Одновременно с этим нужно отметить, что по правилам Публичной библиотеки той эпохи, к которой относится начало Отделения «Россика», не дозволялось приобретать за казенные деньги переводы с иностранного языка на какой-нибудь другой иностранный язык. Публичная библиотека себя держала на таком уровне, что научные работники обязаны были знать языки латинский и французский, и немецкий, и английский, должны были быть вооружены настолько, чтобы переводы требовались в исключительных случаях, например, если они были сделаны с малоизвестных языков, если они сопровождались комментариями и были обставлены большим научным аппаратом и входили в серию научных изданий научных обществ. В иностранные фонды не дозволялось за деньги приобретать вторые экземпляры, хотя бы их можно было поместить в разные отделения, ввиду смежности тематики. Требовалось лишь обмениваться в таких случаях ссылочными карточками.

«Россика» под титулом коллекции сразу приобрела исключительные права¹⁵, — во-первых, безусловного комплектования всех решительно любой формы оригинальных печатных произведений, во-вторых, приобретения всех

без исключения переводов. Если книгу какого-нибудь русского автора переводили на семь языков, то все семь переводов даже в переизданиях покупались библиотекой. Если произведение Герберштейна переводилось на датский язык¹⁶, оно тоже приобреталось библиотекой. В третьих, «Россика» ссыльных карточек не принимала, а получала книги в натуре.

Россика в обычной формулировке, как вид зарубежных печатных произведений о России на иностранных языках, давно пользовалась вниманием правящих кругов. Московское правительство, как известно из книги Белокурова¹⁷, содержало шестьдесят переводчиков, из них двадцать старших и сорок младших, занимавшихся переводами с иностранных языков всего, что интересовало Москву. Из того же сочинения Белокурова мы знаем, что еще до переезда в Петербург русское правительство располагало всеми сочинениями, которые прямо относились к России. Еще более удивительно, что Московское правительство интересовалось и такими сочинениями, которые частично, только в нескольких строках говорили о России. Если это был неблагоприятный отзыв, то в ход пускалась дипломатическая машина, и таким образом иногда добивались полного уничтожения такой книги. Например, Эвергардус Вассенбергиус¹⁸ в своей брошюре на латинском языке выдумывал оскорбительные для Москвы факты: король польский, будто бы, «многие замки и города поимал и себе подданно учинил. Во всей Московии ничего без налогов от него не осталось: Рязань запустошена, Володимер выграблен, Великого и Малого Новгорода окольные земли выграблены, и за реками за Доном и за Москвою и за Волгою грабили, и королевство Казанское и Астраханское вовсе вычерпано, и Пермичь и Цицарских в конечную бедность поставлено, и до самого Хвалынского моря и до Северного моря и страховитую и всегда снегом покрытую Лопьскую землю прошли»¹⁹. Дошли до нас пометки московских дьяков и переводчиков, что в брошюре напечатаны слова, которые непристойно повторять. Между прочим, про главу Московского духовного ведомства насмешливо написано, что он трубач. Сюда же относится и поэма Твардовского «Владислав IV»²⁰. Московское правительство добилось, чтобы названные книги были сожжены рукою палача, как лживые и обидные для русского народа. Эти книги — несомненная россика.

Русское правительство в XVIII веке было очень озабочено существованием (особенно в газетах) неблагоприятных заметок о России и старалось распространение их пресечь, а появление новых предотвратить. Например, наш посланник в Англии Кантемир²¹ принимал меры к тому, чтобы «*Lettres Moscovites*»²² не вышли в свет, но Кантемир не мог добиться успеха, так как цензурный закон там существовал и соблюдался²³.

Правительство при Елизавете Петровне ожидало, что выйдет в свет книга, разоблачающая такого рода его поступок: шведский офицер Синклер вез документы из Турции, и его с ведома русского правительства убили, а дипломатическую почту представили куда следует²⁴. Опасаясь, что это будет рано или поздно разоблачено в печати, давали каждому русскому посольству, которое ехало в Стокгольм, указания смотреть, не появится ли «оная книжница»²⁵.

Само русское правительство, со своей стороны, старалось не допустить «обидных излишеств» для своих соседей. Так, в 1739 году в Кабинете министров рассматривался текст благодарственного церковного служения по случаю Полтавской победы. Один из членов Кабинета министров доложил свое мнение, что службу нельзя напечатать, потому что в ней есть досадительные для Швеции слова²⁶. Это нам показывает, насколько было обоюдно внимание двух государств к печатному слову.

Швеция, о которой известно, что она захватила военным порядком шрифт, направлявшийся в Москву, и выпускала «преlestные письма» к войскам и населению, заказала в 1740-х годах в словолитне Академии наук русский шрифт для своего собственного пользования.

Вы знаете, что бежавший в Россию Вахтанг VI²⁷ был основателем книгопечатания в Грузии, и когда он в России нашел надежный приют, он снова занялся книгопечатанием, вместе с архиепископом Иосифом: они устроили в России типографию на правах частного владения. За время, пока завоеватели грабили Грузию, они отпечатали не менее 7 изданий религиозного, церковного содержания. Но разрешения отправить эти издания в Грузию русское правительство не давало, потому что такое разрешение было бы огорчительно для турок, как противодействующее их политике полной денационализации грузин, полного раздробления и уничтожения грузинской культуры. В ту мрачную для грузин пору даже храмы были снесены с лица земли. В данном случае книги, хотя и религиозные, хотя и на грузинском языке, все-таки являлись материалом, характеризующим определенные политические намерения, взгляды и поведение русского правительства.

Бывают такие печатные произведения, за которыми не сразу можно установить наличие правительственных взглядов. В 1771 году в России вышла брошюра на греческом языке «Вопль греческого народа ко всем европейским христианам». Перевод был сделан с итальянского. Впоследствии выяснилось, что, действительно, на итальянском языке была напечатана брошюра «*Voti dei Greci all'Europa christiana*»²⁸, но она была заказана русским командованием морейской экспедиции²⁹. Таким образом, книга, напечатанная в России на греческом языке в переводе с итальянского, оказывается до-

кументом, вышедшим в свет по желанию русского правительства. Между прочим, этот «Вопль» существует и в русском переводе, который приписывается Радищеву и помещен был в «Санкт-Петербургских ведомостях» за тот же год при № 65, как приложение³⁰. Он имеется не во всех экземплярах «Ведомостей», но в нашем экземпляре есть.

Таким образом, мы видим, что печатные произведения, если мы сюда включим еще влияние цензуры, часто носят следы воздействия государственных интересов, а тем более, если печатное произведение выходит на территории нашей.

Исследование книгопечатания по архивным документам может нам рассказать о тех неясных, на первый взгляд, связях, которые существуют между стремлениями общества, политикой правительства и отдельными сочинениями. Это распространяется даже на такие произведения, как учебники. Возьмем учебник латинского языка, напечатанный в 60-х годах XVIII столетия в типографии Академии наук. Этот учебник построен оригинально, не по системе Эразма Роттердамского³¹. Тексты там взяты из сочинения Марциала³² и имели установку научить юношей говорить на латинском языке, а среди них были юноши из семейства Разумовских, был сын Теплова³³. Они воспитывались и жили в своеобразном учебном заведении, находившемся на 10-й линии Васильевского острова, которое называлось Академией 10-й линии³⁴. Этим молодым людям преподавали даже экономические науки, добывали для лекций все необходимые сведения из правительственных учреждений. Екатерина закрыла Академию, и найти этот учебник латинского языка в настоящее время мы не можем³⁵. За такой простой книгу, как учебник латинского языка, мы видим целую систему образования.

Нам очень нетрудно в настоящий момент провести линию к Царскосельскому лицу, который нам дал Пушкина, Пущина, Кюхельбекера и других. При основании Царскосельского лица действовал Алексей Разумовский, который учился в Академии 10-й линии³⁶. Брат его Григорий³⁷ у нас более известен как эмигрировавший за границу, ушедший туда вследствие несогласия с законами о браке, действовавшими в пределах Российской империи. Он был почетным членом Российской академии, но сам отказался от этого звания. Позже он был выбран членом Стокгольмской, Туринской и Мюнхенской академий и состоял членом десяти естественных обществ. Существует минерал Razoumowski. За мою службу мне пришлось два или три раза встретиться с учеными, которые разыскивали «Acta Academiae Gorenkensis». Здесь речь идет об имении «Горенки» Алексея Разумовского, где у него существовал прекрасный ботанический сад, и это была та база, на которой прочно встало Московское общество испытателей природы³⁸. В 1944 году

один американский библиотекарь привлек наши школьные учебники в число источников, из которых можно было установить, когда в России начали преподавать детям сведения об Америке. Доказано также, что учебники очень рано стали проводниками в России гелиоцентрического мировоззрения³⁹.

В XVIII веке большие сановники, которые подверглись правительственному преследованию с конфискацией библиотек, оказывается, имели у себя в большом количестве книги на иностранных языках, касающиеся России⁴⁰. Это внимание к группе россики можно засвидетельствовать каталогом библиотеки Шереметевых⁴¹. Мы идем к тому факту, что Публичная библиотека создала для общественного публичного пользования Отделение «Россики». Нужны были особые обстоятельства, чтобы правительство, наконец, на это согласилось. Ибо мы знаем, что Екатерина II в 1788 году, читая рукописный перевод на русский язык произведения Герберштейна и восхищаясь, все-таки писала, что это единственное в мире произведение, а напечатать это произведение нельзя, потому что оно говорит много злого о России, хотя оно исключительно обогащено сведениями о нашей стране, о продукции даже каждой провинции в отдельности, чего императрица и не подозревала⁴².

Мы знаем, что о России писали по-разному и иногда даже очень неблагоприятно.

Перед Отечественной войной 1812 года Наполеон приказал напечатать целый ряд произведений, в которых показывалось, что русские — варвары, что они насквозь пропитаны жаждой убийства, что ничего, кроме штыков, у них нет, и они не способны ни к какой культуре. Тогда же было опубликовано известное подложное завещание Петра Великого⁴³. Когда первая Отечественная война закончилась и первый том «Истории» Карамзина был издан и переведен на французский язык⁴⁴, он, вместе с «Журналом Императорского Человеколюбивого общества»⁴⁵, был разослан всем русским посланникам при иностранных дворах⁴⁶, с указанием непременно использовать эти издания и показать, как мы любим людей и какая у нас благородная и богатая история. В этой «Истории» Карамзина наших западноевропейских соседей, и особенно поляков, очень коробило и ставилось как обвинение Карамзину призвание варягов. Польские историки высмеивали то, что для организации страны русские призвали разбойников. Но Карамзин это объяснил своим намерением самым приличным, самым благородным образом представить себе историю. Он отвечал: «с'est plus noble»⁴⁷. Карамзин был не одинок в таких настроениях. В. А. Жуковский от нападок этих на Карамзина даже плакал. По крайней мере, так дело рисуется по переписке между Лелевелем и Сенковским⁴⁸.

Когда Корф приступил к организации «Россики», он пригласил к этому делу многих русских ученых. Русские ученые уже немало сделали к тому времени для критического понимания иноязычной литературы о России. Существовали развернутые библиографические оценки этих изданий⁴⁹. Были сделаны переводы важнейших материалов и изданы в виде статей⁵⁰ и книг⁵¹. Были разосланы библиотекам контрольные списки, были запрошены от ученых рекомендательные указания. Затем с очень большой осторожностью (из опасений, что могут встретиться чрезвычайные, неприятные сведения о России) весь материал был проконтролирован, была использована и личная инициатива Корфа, и учтены пожелания Императорского двора. Только тогда приступили к комплектованию. Вся Западная Европа была поставлена на ноги. Весь антикварный аппарат был привлечен к этому делу, и Публичная библиотека в короткий срок — через двадцать лет, в 1869 году, — закончила первый этап комплектования, а в 1873-м был отпечатан каталог «Россики», то есть сочинений, которые к тому времени поступили в коллекцию «Россики»⁵².

Мы знаем, что очень скоро первый библиографический международный съезд одобрительно оценил этот каталог, со стороны скомплектованности⁵³. Действительно, Парижская национальная библиотека ко времени издания в 1902 году соответствующего тома своего генерального каталога⁵⁴ не имела книги Г. Л. де Боплана⁵⁵ «Description des contrées du Royaume de Pologne, contenues depuis les confins de la Moscovie jusques aux limites de la Transilvanie» (Rouen, 1651), тогда как в каталоге «Россики» это сочинение значится⁵⁶. Или «Bibliotheca Britannica, or A General Index to British and Foreign Literature» Р. Уатта (Edinburgh, 1824) совсем не знает книги Макартнея⁵⁷ «An Account of Russia» (London, 1768), тогда как в каталоге «Россики» это сочинение имеется⁵⁸. Между прочим, членов библиографического конгресса, несомненно, должно было поразить, что Публичная библиотека приложила *table méthodique*⁵⁹ с таким распределением материала, где религия была на пятом месте, тогда как в своем издании 1870 года «Catalogue de la bibliothèque spéciale de la salle de lecture» по традиции Публичная библиотека еще ставила богословие на первое место.

Каждый из членов конгресса должен был поразиться тому, что все существовавшие книги на его родном языке о России здесь указывались. Эту коллекцию уже можно было в тот момент характеризовать не только как национальный мощный аппарат для обеспечения научных интересов нашей страны, но и как памятник международный. Если даже язык был малоизвестный, все равно в «Россику» находились все материалы о России и русские сочинения в переводах на этом языке. Конечно, это превышало научные по-

требности, как рисовались они даже самым большим библиотекам нашей страны, имеющим только отделы, а не коллекцию «Россики».

Печатный каталог «Россики» убеждает нас, что Публичная библиотека имела цель составить и действительно составила чрезвычайно важное для научных работ единственное в мире собрание иноязычных печатанных сборными шрифтами материалов, относящихся по своему содержанию хотя бы к одной из сторон жизни России наибольшего ее территориального пространства во все времена, начиная от древнейших, и непременно включая многочисленные находившиеся в разных степенях колониальной зависимости народы, — которые Российскому государству дали прирост территории, а для этой коллекции принесли свою национальную печатную продукцию или, не имея своей собственной письменности, привлекли литературу о себе.

Половину всей книжной наличности в коллекции «Россики» составляла группа истории, куда входили также генеалогия, гербы, ордена, биографии, археология и нумизматика. Такой значительный объем произошел отчасти по причине включения сюда общеславянских материалов. Затем шли отделы почти равные между собой — истории литературы и политической экономики.

Изучение печатного каталога показывает, что коллекция «Россики» на первом этапе комплектования обращала исключительное внимание на пышность двора, всякие празднества и театр, что она собирала тщательнейшим образом мельчайшие русские стихи в переводах на иностранные языки, описания наших архитектурных построек и находящихся у нас произведений искусства. Национальный путь развития науки и просвещения и даже экономики представлен в коллекции гораздо хуже. Другими словами, выполнялась политическая задача — доказать Западу, что русский народ способен к тонкой культуре и имеет в этой области большие успехи, передаваемые из поколения в поколение.

Наглядным доказательством мощности «Россики» может служить издание по ее материалам библиографий:

- а) Подробный каталог иностранных сочинений о России. Т. 1. Петр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872.
- б) То же — на французском языке⁶⁰.
- в) *Winkelmann Eduard [August]*. Bibliotheca Livoniæ. SPb., 1870⁶¹.
- г) То же, издание 2-е. Berlin, 1878.
- д) *Бильбасов В. А.* История Екатерины II. Т. XII, ч. 1 и 2. Обзор иностранных сочинений о Екатерине II. Berlin, 1896⁶².

«Catalogue de la section des Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères» содержит на 845 страницах 1-го тома и на 610 страницах 2-го то-

ма всего около 30000 записей (28391). Эта цифра твердо вошла в путеводители (например, Бедекера⁶³). С другой стороны, и антикварная книготорговая сеть очень часто делает в своих каталогах ссылки на печатный каталог «Россики».

Широкая популярность коллекции «Россика» настолько сочетается со всеобщим признанием ее научного веса среди западноевропейских эрудитов, что при исполнении 7-го параграфа Рижского договора о возврате культурных ценностей польскому народу эта коллекция в целом была признана экспертами обеих сторон не подлежащей никакому изъятию или расчленению⁶⁴.

Фактически, известный «Catalogue de la section des Russica» представляет собой третье издание: первые два были контрольно-корректировочными⁶⁵ и распространялись в ограниченном количестве в секретном порядке. Но находящееся в этом каталоге предисловие⁶⁶ нельзя считать окончательным сводом тех правил, по которым жило Отделение «Россика». Это предисловие есть только объяснение к опубликованному материалу. Не все, что уже находилось на полках Отделения «Россика», было включено в этот каталог. В частности, были исключены из каталога «Россики» книги на греческом языке: он был приравнен к восточным языкам, пользующимся узорным шрифтом. Эта точка зрения западного европейского книгопечатного искусства была безболезненна для Запада, а для нас греческий язык имеет чрезвычайно важное значение во всей русской культуре. Если мы посмотрим хотя бы на печатную деятельность XVIII века, то увидим много любопытного. Например, еще в конце XVII века Московский патриарх приобрел матрицы греческого шрифта. В 1722 году греческий шрифт путешествует в Волжской плавучей типографии Кантемира⁶⁷ в Астрахань. Там была большая колония греческих купцов и, очевидно, нужно было этим шрифтом воспользоваться, как воспользовался Петр турецким шрифтом⁶⁸ «...». Можно вспомнить изданную в Санкт-Петербурге при Екатерине II на греческом языке с немецким переводом «Войну мышей и лягушек»⁶⁹ «...».

Вскоре после издания каталога «Россики» (который представляет собою, условно говоря, сводку старшей ее части, потому что это — основные старейшие зарубежные произведения из периода первого знакомства Востока и Западной Европы с Россией, это — за границей изданные ранние переводы произведений русской художественной литературы) вполне естественно встал во всей остроте вопрос о младшей части «Россики»⁷⁰, куда следует отнести: а) иноязычную любой тематики печатную продукцию нашей страны и б) зарубежные иноязычные сочинения полного авторства или соавторства наших соотечественников, а также за границей на их счет или на

государственный счет изданные иноязычные произведения любой тематики, формы, объема и любого автора.

Из группы младшей «Россики» самая ясная практика была принята в отношении печатной продукции на финском, эстонском, латышском и литовском языках. Было образовано четыре национальных секции при коллекции «Россика»⁷¹, и в эти секции направлялась из обязательных экземпляров абсолютно вся печатная продукция любой формы и тематики, включая туда и зарубежные издания на этих языках, поступающие путем дара, — как, например, издания разных латышских и литовских организаций США.

Из обязательных экземпляров произведений на польском языке непременно направлялись в «Россику» лишь периодические издания, а монографический материал, после отбора коллекцией «Россика» своей тематики, распределялся по иностранным отделениям.

Остальная часть младшей «Россики» представляет собой продукцию отечественного типографского искусства от мемуаров Санкт-Петербургской Академии наук на безнациональном латинском языке⁷² до иноязычных бухгалтерских балансов о деятельности финансово-промышленных разветвленных иностранного капитала, обязанных в России публичной отчетностью.

Латинский язык применялся как ученая речь, латинский язык — это язык преподавания в высших учебных заведениях, язык для сношения с другими учеными. Поэтому «Физико-химические труды» нашего Ломоносова, изданные по-немецки в серии «Классиков естествознания» Оствальда в Лейпциге в 1910 году⁷³, должны считаться переводом с русского, хотя там большинство отрывков переведено с латинского языка. Интересно, что английский посланник Макартней в своих донесениях в 1766 году, во времена Екатерины II, жаловался, что невозможно с этими людьми (с представителями комиссии по иностранным делам) иметь дело. Они, дескать, не имеют понятия о международном праве, не знают даже латинского языка⁷⁴. Но о нашей стране нельзя было сказать, что она не знает латинского языка. Латинский язык для русских в то время был живым языком. Макартней, к нашему удивлению, говорил в 1766 году, что у русских даже нет университета⁷⁵. Он ошибался. Университет был основан в 1755 году, но это был не тот университет, к каким Макартней привык. Мы можем сослаться на подобный же пример из более раннего времени. Лави⁷⁶, представитель французского двора в годы Петра I, не аккредитованный, но все-таки терпимый, — писал в 1720-х годах своему правительству, что никаких сведений нельзя достать, потому что у русских даже газет нет. Но вы видели из предыдущих выступлений, что у русских газеты были, хотя это были и не такие газеты, к которым привыкли в Западной Европе. Говорится это не для того, чтобы полностью дискредити-

ровать наблюдения путешественников и свидетельства иностранцев, особенно же входивших в состав посольств при русском дворе. В частности, Макартней оставил отчет о пребывании в России⁷⁷ и очень важный отчет о своем посольстве в Китай⁷⁸. Макартней нам очень интересен как показательный пример того, что область изящных искусств для иностранцев является наиболее доходчивым и убедительным доказательством нашей культурности. Макартней посылал в Англию самые восторженные отзывы об успехах культуры в России, побывав на любительских спектаклях высшей знати екатерининского двора.

Каждый раз обращение к иностранным источникам и старшей и младшей «Россики» будет помогать в изучении нашей страны, вынуждая нас или принимать дополнения, или делать всякого рода уточнения. И наоборот, недооценка этих источников или пренебрежение ими нам во многом повредит. Если мы возьмем, допустим, «Journal des savants»⁷⁹, то увидим, что в 1726 году проповедь Феофана Прокоповича на смерть Петра Великого была отдельно издана в переводе на французский язык и в этом журнале перепечатана как образец замечательного ораторского искусства в России⁸⁰. Английские источники тогда же этот факт подчеркнули⁸¹, а у нас это оставалось неизвестным. Если вы вспомните специальные труды, посвященные Феофану Прокоповичу, его роли и его эпохе, то заметите этот пробел. Это — наша вина, потому что полное переиздание отдельно выходившего текста, помещенное в журнале, осталось вне каталога «Россики».

Вот пример другого типа. В 1786 году наш посланник в Лондоне С. Р. Воронцов написал И. А. Остерману⁸² следующее: «Давая в разные стороны сей земли комиссии разным ученым людям о приискании мне искусного алгебриста и калкулятора, не мог доселева иметь еще удачи <...>. Из Оксфорда мне отвечали, что дивятся, что, имев в России Фуза, Суворова и Никитина⁸³, [русские] еще ищут четвертого алгебриста, и при сем случае, выхваляя весьма первого, как уже известного во всем ученом свете, весьма похваляют тоже господ Никитина и Суворова, кои в Оксфорде меж искусными математиками и алгебристами почитались»⁸⁴. Если вы возьмете диссертацию «Высшая математика в России XVIII века» А. П. Юшкевича⁸⁵, об этих именах не найдете там никакого упоминания. Не умаляется докторское достоинство этой диссертации, но неполнота оказывается несомненной, и произошла она от того, что не было соприкосновения с источниками западноевропейских материалов.

И наоборот, если внимательно относиться к второстепенным источникам младшей «Россики», как, например, к вышедшему в Амстердаме на средства И. И. Шувалова⁸⁶ сборнику «Le philosophe au Parnas français»

(1754), там можно найти сведения о литературных интересах Москвы еще в 1752 — 1753 годах. К елизаветинским временам ведут нас эти указания и свидетельствуют об участии даже Ломоносова в теоретических рассуждениях в этой области.

Каталог «Россики» в той части, которая напечатана, представляет существенный и необходимый момент с политической точки зрения. Комплектование шло традиционным своим путем, причем нужно отметить понижение удельного веса и научного значения заграничных материалов, потому что путешествие уже не могло приобретать такого важного значения, как в XVI веке. Мы сами уже весьма значительно выросли в своей культуре, мы даже ослабили свое внимание к переводам на иностранные языки наших авторов. Правда, что иностранные сочинения XX века о России очень часто представляют собой только комбинацию, только сводку того, что у нас самих написано о России, и значительно уступают книгам старшей «Россики». Печатный каталог продолжения не имел⁸⁷. Общебиблиотечный «Бюллетень новых поступлений» перестали выпускать⁸⁸, а в «Отчетах» публиковалась информация только о поступлениях исключительной важности. Все же, систематический каталог «Россики»⁸⁹ отразил наступление нового периода в русской жизни.

Но книги, в своей особенной роли хрупких и беззащитных спутников культурного человеческого общества, его классов, его организаций и отдельных личностей, продолжали, хотя и с пробелами, поступать в коллекцию «Россики» и влияли на построение систематического каталога. Он ко времени Первой мировой войны имел, сравнительно с *table méthodique* 1873 года⁹⁰, три новых отдела: помещики и крестьяне (21-й отдел), рабочий вопрос (отдел 21-а) и тюрьмы (18-й отдел).

Весьма сильно разросся отдел периодических изданий в коллекции «Россики», особенно газетная группа российской Польши, Финляндского великого княжества и Прибалтийского края⁹¹, что представляет собой очень полезный вспомогательный источник по истории национальной общественно-политической жизни населения, которое вошло в состав Карело-Финской, Латвийской, Литовской и Эстонской ССР.

Новые силы выступали с борьбой на историческую арену. Императорская Россия близилась к своему падению. Коллекция «Россики» тоже вступила в полосу кризиса.

В 1916 году были выработаны новые правила, по которым должна была жить «Россика»⁹². К счастью, эти правила не могли быть реализованы и не могли создать какую-нибудь традицию, потому что не закончилась война, а

когда пал царизм, Временное правительство совсем не отпустило никаких денег на комплектование зарубежных изданий.

Эти правила заслуживают того, чтобы здесь быть заслушанными, как предупреждение, что по такой дороге дальше идти нельзя:

а) прекратить сплошное коллекционирование переводов русской художественной литературы;

б) прекратить коллекционирование беллетристических произведений на темы из русской жизни и истории и приобретать таковые лишь по отбору;

в) прекратить приобретение повторных изданий, друг от друга не отличающихся;

г) прекратить приобретение переводов русских научных сочинений, не имеющих по содержанию своему отношения к России;

д) прекратить приобретение сочинений по признакам русского подданства».

<...> Нам надо самым серьезным образом пересмотреть свое отношение к «Россике». Мы должны считать недопустимым пренебрегать всем тем, что напечатано на иностранных языках о царской России. Мы должны приобретать переводы всех русских писателей, независимо от того, одобрены ли они библиотекарем или библиотекарю не нравятся. Мы должны в коллекцию «Россика» вводить все то, что на нашей территории напечатано на иностранных языках, — будет ли это учебник, будет ли это песня придворного назначения, будет ли это церковная проповедь на греческом языке или отчет на французском языке акционерного общества. Мы должны приобретать все сочинения наших соотечественников, оказавшихся вынужденными или предпочтивших обратиться к заграничной аудитории и заграничному более мощному типографскому искусству, даже просто к западной типографской технике.

Между тем, мы в «Россике» не находим трудов ученых по естественным наукам, мы не находим в «Россике» таких публикаций, которые сейчас воспринимаются учеными Западной Европы как вехи в истории развития европейской науки и культуры, как, например, немецкоязычные «Физико-химические труды» Ломоносова⁹³. «Россика» обескровлена тем, что многие области естественных и медицинских наук не вносятся в ее каталог. Например, медицинские диссертации русских врачей на латинском языке⁹⁴ были предоставлены своей судьбе конкурировать на книжном рынке с западноевропейскими авторами и лишены были преимуществ сплошного комплектования дополнительно к получаемому у нас обязательному экземпляру.

В конце XIX столетия и в начале XX столетия организация научного сотрудничества встала на высшую ступень в виде международных журналов и

сборников, обусловив уменьшение количества монографий и почти исчезновение брошюр. Вот почему нам нужно обратить внимание на то, что произошло обеднение «Россики», — в значительной степени по той причине, что опубликованные в журналах и сборниках материалы, объемом гораздо больше брошюр, хотя и имеются в стенах нашей библиотеки, не отражены в нашем каталоге. Устранив этот недосмотр, мы сразу же наполним кровью нашу коллекцию «Россики» и по каталогу увидим, какое участие приняла русская наука в международных органах движения научной мысли.

При таких условиях мы сможем убедиться, что к Западной Европе русские ученые очень часто прибегали потому, что в пределах России не было соответствующих технических средств.

Преподаватель Томского университета Глее⁹⁵ в 1910 году напечатал в Лейпциге свой труд «Хеттские исследования»⁹⁶, причем для него немецкая фирма специально отлила шрифт. Это даже оплачивалось средствами университета, и все-таки этой книги в Публичной библиотеке нет. Приходилось нашему отечественному автору безуспешно конкурировать на книжном рынке, чтобы попасть в Публичную библиотеку.

Мы знаем, что вся культура XVIII века у нас протекала под большим влиянием тех лиц, которые приглашались из-за границы. Ученые продолжали свою работу на те же темы, над которыми они работали, будучи за границей, но это были нанятые нами ученые. Продукция Академии наук того времени печаталась на иностранных языках и, главным образом, распространялась за границей. Однако была еще и вторая обязанность этих ученых — создавать наши кадры. Это очень тонкий вопрос, но, кажется, мы имеем такой случай, когда ясно сказалось благотворное влияние академиков на россиян.

Речь будет идти о Крашенинникове, который умер в 1755 году, не дождавшись последних печатных листов своего двухтомного сочинения «Описание земли Камчатской»⁹⁷.

Журнал «The Critical Review» в 1764 году по поводу перевода этой работы Крашенинникова на английский язык⁹⁸ написал: «Если бы кто-нибудь сто лет тому назад предсказал опубликование в России такого сочинения, как это, такого человека сочли бы безнадежным визионером. Из того, что мы знаем о русских людях периода, когда Петр занялся цивилизацией их или, вернее, насаждением гуманности, можно было бы заключить, что его попытка была столь же безнадежной, как если бы она была направлена на готтентотов или негров Гвинейского берега. Однако мы видим, что может культура сделать: петербургский типографский станок опубликовал книгу об открытии народа где-то на краю света... Что касается самого сочинения, то оно

удовлетворяет методическим требованиям и является новым приобретением для общей истории»⁹⁹.

Здесь должна быть исключена мысль о «поощрительно-снихождительном» отзыве. Этот же журнал в 1761 году, разбирая «*Novi Commentarii Academiae Scientiarum imperialis Petropolitanae ad Annum 1752 et 1753*»¹⁰⁰, отметил, что «все темы этого тома уже были трактованы, и большинство из них очень знаменитыми писателями Европы», и закончил фразой: «В целом этот том русских трудов показывает, что философия и искусство сделали заметный прогресс на Севере»¹⁰¹.

Любопытнее всего тот факт, что сочинение Крашенинникова оказалось наполненным таким чисто русским материалом, освещающим русские интересы, что на английский язык оно было переведено с изъятием ряда мест. И все равно перевод оказался обременен материалом. Говорилось там о культурной роли России.

Следует уяснить себе еще одну сторону в жизни коллекции «Россика».

Возьмем, к примеру, такой факт. В 1930 году вышло сочинение на получение степени доктора в штате Айова в США, автор — Шварц, тема — «Англо-русское соперничество на Дальнем Востоке в 1895 — 1905 годах»¹⁰². Мы видим, что в числе материалов, которые были привлечены к этой теме, очень много руссиканских, как и должно быть. Ведь это показывает, что за границей «Россика» — живое полнокровное явление. Самое же интересное то, что названная работа оснащена такими материалами, которые в докладах моих товарищей не указаны, это — парламентские дебаты¹⁰³. Все эти парламентские отчеты у нас есть. «Россика» находится в таком счастливом окружении, имеет по соседству, под одной крышей, такие богатые фонды, что если путем библиографической обработки соединить материалы коллекции «Россика» с остальными фондами Публичной библиотеки, получится мощный источник знания, который украсит нашу страну и облегчит работу наших ученых.

На нас лежит обязанность исследования «Россики» и ее изучения. Это касается, во-первых, тех фондов, которые нами уже собраны, они должны быть изучаемы подобно — допустим — изучению переводов труда Крашенинникова. В итоге такого изучения мы уже увидели, что литературное общество английских ученых (*Society of Gentlemen*) вынуждено было безоговорочно признать «Описание земли Камчатской» вкладом в мировую литературу.

Во-вторых, на нас лежит обязанность учета и собирания всех тех материалов, которые привлекаются учеными мира при изучении той или иной руссиканской темы, но которые мы еще не можем улавливать при помощи соб-

ственно библиографических источников. Эта часть работы одной Публичной библиотеке уже не под силу.

В создании «Россики» большое участие принимали наши ученые, но не все то, что желали люди русской науки, было правильно принято к использованию. Была принята к исполнению только часть, которая удовлетворяла политический интерес. В настоящее время к нам на помощь снова должны прийти ученые, своими сведениями об очередных задачах, стоящих перед наукой русской истории во всех ее областях и разветвлениях. Вот тогда «Россика» будет прекрасной законченной постройкой на том фундаменте, который у нее уже имеется. Это будет величественный памятник нашей великой родине. Все части этого памятника уже существуют на разных языках в разных частях света. Мы должны лишь общими усилиями создать из них монумент и прибавлять к нему все то, что еще будет непрерывно издаваться о России <...>.

Примечания

¹ См. с. 159 наст. изд.

² См. там же.

³ В Отделе рукописей РНБ хранятся два письма Шамрая к Люблинской и одно письмо Люблинской к Шамраю. См.: ОР РНБ. Ф. 1105 (Д. Д. Шамрай), д. 253; Там же, д. 280.

⁴ Позднее текст этого доклада был значительно расширен. Работу «Коллекция „Россика“ в фондах Государственной Публичной библиотеки» (1951) Шамрая, объемом более 4-х авторских листов, см.: ОАД РНБ. Ф. 12, д. 1066; ОР РНБ. Ф. 1105 (Д. Д. Шамрай), д. 2.

⁵ ОР РНБ. Ф. 1105 (Д. Д. Шамрай), д. 280. Л. 1 — 2 об.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Там же, д. 253. Л. 3 — 4 об.

⁸ Там же.

⁹ Собранные Шамраем материалы по истории литературы XVIII века были использованы при подготовке пятитомного «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века: 1725 — 1800» (М., 1962 — 1967).

¹⁰ В состав коллекции «Россика» входят три основные группы изданий: 1) книги и брошюры по всем отраслям знания, относящиеся к России и изданные на иностранных языках за границей; 2) книги, журналы, газеты, листовки, изданные в России на иностранных языках; 3) переводы сочинений русских авторов (независимо от их содержания) на иностранные языки. В коллекции хранятся издания на европейских языках. Критерии отбора литературы отражены в двухтомном издании «*Catalogue de la section des Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères*» (Т. 1. P. I — VIII).

¹¹ Основная литература до 1917 года по истории ИПБ и Отделения «Россика» в ней отражена в указателе: Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салты-

кова-Щедрина: Библиогр. указ. Литература о Публичной библиотеке, изданная до Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1989.

¹² Основные библиографические труды XIX века, отразившие состав коллекции «Россика» ИПБ (РПБ, ГПБ), упомянуты в докладе Шамрая. Отметим, что во второй половине XX века содержание коллекции было раскрыто в ряде библиографических трудов. Среди них: Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке: 1701 — 1800. Л., 1984 — 1986. Т. 1 — 3; *Гольдберг А. Л.* Дореволюционные издания по истории СССР в иностранном фонде Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: Сист. каталог / Ред. А. С. Мыльников. Л., 1964 — 1966. Вып. 1 — 2; Дореволюционные издания по истории СССР в иностранном фонде Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Сист. указ. Л., СПб., 1982 — 2001. Вып. I — V.

¹³ Отметим основные работы 1960 — 2000-х годов, в той или иной степени касающиеся истории создания коллекции «Россика» РНБ: История Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 60 — 61, 92 — 93; *Гольдберг А. Л., Яковлева И. Г.* Коллекция «Россика» Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // История СССР (М.). 1964. № 5. С. 92 — 102; *Их же.* Коллекция «Россика» Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — важный памятник истории культуры // Сборник методических статей по библиотечковедению и библиографии. Л., 1964. Т. 15 (36). С. 214 — 247; *Голубева О. Д., Гольдберг А. Л. В. И. Соболевичков...* С. 58 — 70; *Грин Ц. И. М. А. Корф* — библиограф Вольной русской печати // Историко-библиографические исследования. СПб., 1993. Вып. 3. С. 44 — 53; *Гринченко Н. А. М. А. Корф* и аукционы Публичной библиотеки (1850-е гг.) // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX вв. СПб., 1994. Вып. 7. С. 27 — 38; *Голубева О. Д. М. А. Корф.* С. 41 — 50; *Гринченко Н. А. М. А. Корф* — библиограф // Историко-библиографические исследования. СПб., 1998. Вып. 7. С. 63 — 76; *Яковлева И. Г.* У истоков «Россики» // Публичная библиотека: Люди, книги, жизнь. Сб. статей. СПб., 1998. С. 21 — 25; *Голубева О. Д.* «Беспримерное отделение „Россики“»: В. И. Соболевичков // «Беспримерное отделение „Россики“»: Материалы науч. конф. 14 янв. 2000 г. / РНБ. СПб., 2000. С. 36 — 45; *Гринченко Н. А., Яковлева И. Г. М. А. Корф* — библиограф «Россики» // Там же. С. 28 — 35; *Леликова Н. К.* Эволюция теоретических представлений о россики // Там же. С. 19 — 27; *Михеева Г. В.* «Россика» в Российской национальной библиотеке: История, проблемы, перспективы // Там же. С. 8 — 18; *Голубева О. Д. В. И. Соболевичков.* С. 44 — 70; *Лихоманов А. В.* Коллекции «Россика» 150 лет // «Коллекция „Россики“ в Российской национальной библиотеке: вопросы раскрытия»: Науч. чтения, посвящ. 150-летию создания отд-ния «Россики» 20 сент. 2000 г. / Сост. А. И. Сапожников. СПб., 2002. С. 6 — 11.

¹⁴ 1 августа 1850 года барон М. А. Корф подписал указ об организации нового «Отделения иноязычных писателей о России или Rossica» (позднее коллекция «Россика»). См.: ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1849, д. 30. Л. 46 — 47 об.

¹⁵ Исключительные права комплектования Отделения «Россики» сохранялись и в 1860-е годы. В отчете ИПБ за 1863 год сообщалось, что «отделение книг на русском

языке и отделение книг о России пополняются *всеми* книгами, которые отсутствуют, без исключения» (Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1863 год. СПб., 1864. С. 20 — 21).

¹⁶ Книга «Записки о Московитских делах» («Regum Moscoviticarum commentarii») австрийского дипломата, писателя, историка, этнографа барона Сигизмунда фон Герберштейна (1486 — 1566) не была переведена на датский язык. См.: Дореволюционные издания по истории СССР... Л., 1982. Вып. I. История СССР с древнейших времен до конца XVII века. С. 141.

¹⁷ Сергей Алексеевич Белокуров (1862 — 1918) — историк, археолог; член-корреспондент Императорской АН (1903) и РАН (1917). Приведенные далее сведения см.: *Белокуров С. А.* О Посольском приказе. М., 1906. С. 53 — 55. Указанное докладчиком количество переводчиков и толмачей Посольского приказа не вполне точно: оно не являлось постоянным и обычно было несколько меньше названных цифр.

¹⁸ Имеется в виду немецкий врач, публицист, педагог, путешественник Герман Конринг (1606 — 1681), пользовавшийся псевдонимом Эберхард (Эвергардус) Вассенбергнус.

¹⁹ Источник цитаты не установлен.

²⁰ Имеется в виду польский поэт Самуил Твардовский (1600? — 1661). Об уничтожении его поэмы «Владислав IV» (1649) см.: *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1583.

²¹ Князь Антиох Дмитриевич Кантемир (1708 — 1744) — поэт, философ, дипломат, переводчик с латинского и французского; в 1731 — 1738 годах российский посол в Англии, с 1738-го до своей кончины — во Франции.

²² «Московские записки» (*фр.*). Это название анонимной книги итальянского военного, путешественника, писателя графа Франческо Локателли Ланци (1687 — не ранее 1734); в 1733 — 1734 годах он жил в России. См. о нем: *Оболенский М. [А.]*. Сведения об авторе книги «Lettres Moscovites» // Библиографические записки (М.). [Т. II]. 1859. [Окт.]. № 18. Стб. 545 — 553. В комментируемом фрагменте речь идет об издании: [*Locatelli Lanzi F.*] Lettres Moscovites. Paris, [1735; указано: 1736]. В 1736 году английский перевод этого сочинения был напечатан в Лондоне: [*Его же*]. Lettres Moscovites, or Muscovian Letters: Containing an account of the form of Government, customs and manners of that great Empire / Written by an Italian Officer of distinction; translated from the French <...> by W. W. Musgrave. London, 1736. В 1738 году в Германии вышел также немецкий, дополненный перевод этой книги. См.: *Оболенский М. [А.]*. Указ. соч. Стб. 553.

²³ В конце XVII века цензура в Англии была отменена. См. подробнее: *Новомбергский Н. [Я.]*. Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России. СПб., 1906. С. 144 — 152. О попытках российских дипломатов воспрепятствовать выходу английского перевода названной книги см.: *Оболенский М. [А.]*. Указ. соч. Стб. 552 — 553.

²⁴ Имеется в виду шотландский военный и дипломат барон Малколм Синклер (1691 — 1739); он был майором шведской армии, выполнял дипломатические поручения правительства Швеции.

²⁵ Информацию об откликах печати на эти события см.: Дореволюционные издания по истории СССР... Л., 1986. Вып. 3. Дворянская империя XVIII века: 1725 — 1801. С. 77.

²⁶ Подобной точки зрения придерживался и граф (с 1730 года) Андрей Иванович (Генрих Йоханн Фридрих) Остерман (1686 — 1747) в отношении печатания в Москве «книг празднества» о победе под Полтавой: «<...> Ежели в онои книге есть какие слова и изображения, которые досадительныя быть могут, то, мнится, лучше оныя оставить <...>» (Сборник Императорского Русского Исторического Общества (Юрьев). 1909. Т. 130. С. 139, 157).

²⁷ Вахтанг VI (1675 — 1737) — грузинский государственный деятель; в 1703 — 1724 годах сначала наместник, затем царь Картли (исторической области на востоке Грузии). После того, как был низложен иранцами, жил с семьей в России, его сын стал одним из основателей Московского университета.

²⁸ «Моления греков, приносимые христианской Европе» (*um.*). Автором этой брошюры был албанский военный, дипломат, публицист, переводчик с греческого и итальянского граф (с 1799 года) Антон (Антонио, Антоний) Джика (17?? — не ранее 1799); офицер русских вооруженных сил, капитан, затем майор, с 1777 года советник русской миссии в Неаполе, с 1786 по 1796 годы — генеральный консул в Рагузе. О нем см.: Сборник Императорского Русского Исторического Общества (СПб.). 1914. Т. 145. С. 410 — 411.

²⁹ Экспедиция русского флота в 1770-х годах, предпринятая для освобождения Греции от турецкого владычества.

³⁰ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725 — 1800: [В 5 т.]. М., 1966. Т. 4. С. 87. Описание этого произведения сопровождается ссылкой на архив АН.

³¹ О педагогических взглядах голландского философа, богослова, публициста Эразма Роттердамского (1466? — 1536) см., например: Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 623 — 624.

³² Марциал (40? — 104?) — римский поэт.

³³ Григорий Николаевич Теплов (1720 — 1770) — государственный деятель, литератор.

³⁴ В 1760-х годах в Петербурге на 10-й линии Васильевского острова располагался Воспитательный институт президента Императорской АН графа К. Г. Разумовского, где обучалось шесть учеников. См.: *Никитенко Г. Ю., Соболев В. Д.* Васильевостровский район: Энциклопедия улиц Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 256 — 257.

³⁵ По-видимому, речь идет об издании: *Epigramata: In Quibus tirocinium ponere latinæ studiosi queant.* Petropoli, 1767. Название установлено на основании записей Д. Д. Шамрая из архива АН.

³⁶ См. с. 44 наст. изд.

³⁷ Граф Григорий Кириллович Разумовский (1759 — 1837) — минералог. О нем см.: *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 169 — 202.

³⁸ В подмосковном имении Горенки графа А. К. Разумовского была собрана богатая коллекция растений. Созданное на ее основе естествоиспытателем (палеонтологом,

энтомологом), профессором Московского университета Григорием Ивановичем (Йоханном Готтхельфом) Фишером фон Вальдгеймом (1771 — 1853) ботаническое общество соединилось в 1805 году с Московским обществом испытателей природы. См. подробнее: *Васильчиков А. А.* Указ. соч. С. 43 — 44.

³⁹ См. подробнее: *Райков Б. Е.* Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России: Из прошлого рус. естествознания. М., Л., 1937. С. 235 — 241.

⁴⁰ О наличии иностранных книг о России в частных библиотеках конца XVIII века см. подробнее: *Сомов В. А.* Французская «Росси́ка» эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории. Л., 1986. С. 188 — 192.

⁴¹ Опись библиотеки, находившейся в Москве, на Воздвиженке, в доме графа Дмитрия Николаевича Шереметева до 1812 г. СПб., 1883.

⁴² *Храновицкий А. В.* Дневник: 1782 — 1793. СПб., 1874. С. 133. О переводе сочинения С. фон Герберштейна на русский язык см.: *Шаркова И. С.* О русском переводе «Записок о московитских делах» С. Герберштейна 1785 г. // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 343 — 350.

⁴³ О подложном «завещании» императора Петра I см.: [*Lesur Charles Louis*]. *Des progrès de la puissance russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIXe siècle.* Paris, 1812. P. 453 — 454 (подписано: *Mr. L.****). Об этом см. также публикации сотрудника ИПБ Георга (Егора Егоровича (Юрия Юрьевича) Беркгольца на французском (Napoléon I-er, auteur du testament de Pierre le Grand. Bruxelles, 1863) и немецком (Das Testament Peters des Grossen: Ein Erfindung Napoleons I // *Russische Revue* (SPb.). 1877. Bd. X. S. 1 — 33) языках. В 1863 году за эти исследования автор получил через директора ИПБ барона М. А. Корфа благодарность императора Александра II (Aus dem Briefwechsel zwischen Victor Gehn und Georg Berkholz // *Baltische Monatschrift* (Riga). 1897. Bd. 44. S. 84).

⁴⁴ *Karamsin N. [M.]*. *Histoire de l'Empire de Russie / Traduite par St.-Thomas et Jauffret.* Paris, 1819. T. 1.

⁴⁵ Императорское (с 1814 года) Человеколюбивое общество — благотворительная организация, учрежденная императором Александром I в 1802 году и ликвидированная после Октября.

⁴⁶ Сообщение об этом см.: *Envoi de la nouvelle Histoire de Russie aux Missions russes dans l'étranger // Conservateur impartial* (SPb.). 1818. № 11. P. 44.

⁴⁷ «Это благороднее» (*фр.*).

⁴⁸ Иоахим Лелевель (1786 — 1861) — польский историк, географ, общественный деятель, педагог. Осип Иванович (Йозеф Юлиан) Сенковский (1800 — 1858) — прозаик, литературный критик, журналист, востоковед, переводчик с арабского и многих других восточных и европейских языков, педагог; с 1820-х по 1840-е годы профессор Императорского Петербургского университета, с 1820-х — также член-корреспондент Императорской АН, с 1833 по 1856 годы — редактор и издатель петербургского журнала «Библиотека для чтения», считается одним из основателей русского востоковедения. См.: Сенковский в своей переписке с И. Лелевелем. [СПб.], [1878]. С. 55 — 59.

⁴⁹ Основным библиографическим источником комплектования Отделения «Росси́ка» стал труд «*Kritisch-Literarische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700 deren Berichte bekannt sind*» (SPb., Leipzig, 1846. Bd. 1 — 2) историка, археолога, лингвиста,

библиографа Федора Павловича (Фридриха) фон Аделунга (1768 — 1843). Об авторе см.: Яковлева И. Г. «Незабвенный наш Аделунг» // «Коллекция „Россика“ в Российской национальной библиотеке: вопросы раскрытия»... С. 18 — 25.

⁵⁰ В 1854 — 1858 годах материалы об Отделении «Россика» ИПБ публиковались в «Отечественных записках» в разделе «Библиографические отрывки». Полное описание см.: Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина... С. 143 — 144.

⁵¹ См.: Описание Санктпетербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711-м годах / Пер. с нем. [А. Ф. Бычкова] с примеч. СПб., 1860; и др.

⁵² Catalogue de la section des Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères. Т. 1 — 2.

⁵³ Каталог Отделения «Россика» ИПБ был назван «бесценным». См.: Martynov R. P. La littérature slave depuis dix ans // Congrès bibliographique international tenu à Paris du 1-er au 14 juillet 1878. Compte-rendu des travaux. Paris, 1879. P. 210.

⁵⁴ Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque Nationale. Auteurs. Paris, 1902. Vol. 9. P. 558.

⁵⁵ Гийом Левассер де Боплан (1595 — 1673) — французский инженер.

⁵⁶ Catalogue de la section des Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères. Т. 1. P. 85. В экземпляре РНБ имеется приписка, сделанная, по-видимому, рукой Шамрая: «Нет в В[ibliothèque] Nat[ionale] de Paris».

⁵⁷ Граф Джордж Макартни (Макартней, 1737 — 1806) — английский государственный деятель, дипломат; в 1765 — 1767 годах посол Великобритании в России. О нем см.: Литературное наследство. Т. 91: Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982. С. 120 — 124.

⁵⁸ Catalogue de la section des Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères. Т. 1. P. 755.

⁵⁹ Систематический указатель (*фр.*). Этот указатель см.: Catalogue de la section des Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères. Т. 2. P. 611 — 771.

⁶⁰ Минцлов П. [И.]. Петр Великий в иностранной литературе: Подробный каталог иностранных сочинений о России (Rossica), находящихся в ИПБ в С.-Петербурге / [Составлено] по случаю 200-летнего юбилея Петра Великого по материалам графа [М. А.] Корфа. СПб., 1872. Названное издание было напечатано также с другим титульным листом: *Minzloff R. [I.]. Pierre le Grand dans la littérature étrangère / Publié à l'occasion de l'anniversaire deux fois séculaire de la naissance de Pierre le Grand, d'après les notes de m. le Comte de Korff.* SPb., 1872.

⁶¹ Winkelmann Eduard [August]. Bibliotheca Livoniae Historica: Systematisches Verzeichniss der Quellen und Hülfsmittel zur Geschichte Estlands, Livlands und Kurlands. SPb., 1870.

⁶² Бильбасов В. А. История Екатерины Второй: [Обзор иностранных сочинений об императрице Екатерине II]. Берлин, [1896]. Т. 12, ч. 1 — 2. Книга вышла также в переводе на немецкий язык: *Bilbassoff, von, B. [A.]. Katharina II: Kaiserin von Russland im Urtheile der Weltliteratur / Autorisierte Übersetzung von Russischen; mit einem Vorwort von T. Schiemann.* Berlin, 1897. Bd. 1 — 2.

⁶³ Russland: Handbuch für Reisende. Leipzig: Verlag von Karl Baedeker, 1901. S. 130.

⁶⁴ В соответствии с «Постановлением смешанной российско-украинско-польской Специальной комиссии о выдаче Польше правительством РСФСР рукописей и книг, вывезенных царским правительством и находившихся в Петроградской публичной библиотеке» (30 октября 1922 года, Москва), из Отделения «Россика» следовало передать полностью отдел «Польша», а также книги, которые не значились по «Польской библиографии» К. Й. Т. Эстрейхера (см.: *Estreicher Karol [Józef Teofil]*. Bibliografia polska. Krakow, 1872 — 1951. Cz. 1 — 34) ни в одной из девяти публичных библиотек Польши. См. подробнее: Моричева М. Д. Библиотека Залуских и Российская национальная библиотека. С. 52 — 53, 90 — 91, 180 — 181.

⁶⁵ См. с. 44 — 45 наст. изд.

⁶⁶ Catalogue de la section des Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères. Т. 1. P. I — III.

⁶⁷ Князь (с 1711 года) Дмитрий Константинович (Димитрие) Кантемир (1673 — 1723) — молдавский политический деятель, ученый-энциклопедист; состоял на русской государственной службе.

⁶⁸ См.: Описание похода государя императора Петра Великого к лежащим при Каспийском море Персидским провинциям // Материалы военно-ученого архива Главного Штаба. СПб., 1871. Т. 1. Стб. 507; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1878. Т. III. 1723 г. Стб. CLII — CLVI; *Пятницкий В.* К истории книгопечатания арабским шрифтом в европейской России и на Кавказе // Сборник / Публ. б-ка СССР им. В. И. Ленина. М., 1928. [Вып.] I. С. 132 — 134.

⁶⁹ Омирова Ватрахомиомахия, то есть Война мышей и лягушек, забавная поэма / На русск. яз. переведена Василием Рубаном. СПб., 1772. Полное описание на русском языке см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века... Т. 2. С. 350. На немецком: Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке... Т. 2. С. 281.

⁷⁰ Термины «старшая» и «младшая» «Россика» принадлежат Шамраю; они не употреблялись ни до него, ни после.

⁷¹ Эти подразделения в Отделении «Россика» были образованы в 1860-х годах.

⁷² Труды Императорской АН в Петербурге под названием «Commentarii», «Novi Commentarii», «Acta», «Nova Acta» издавались в XVIII веке на латинском языке, серии академических трудов под названием «Mémoires» выходили в XIX веке на французском языке. Перечень трудов Императорской АН см.: *Chémiot M.* Tableau général méthodique et alphabétique des matières contenues dans les publications de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg depuis sa fondation. SPb., 1872. 1-re partie. P. VI — VII.

⁷³ *Lomonossow M. W.* Physikalisch-chemische Abhandlungen: 1741 — 1752 / Aus dem Lateinischen und Russischen mit Anmerkungen; mit Lomonossows Bildnis und 1. Fig. im Text; hrsg. von B. N. Menshutkin und Max Speter. Leipzig, 1910. (Wilh. Ostwald's Klassiker der exakten Wissenschaften. № 178).

⁷⁴ Извлечение из донесения графа Дж. Макартни (Макартнея) к герцогу О. Г. Ф. Графону, от 11 (22) февраля 1766 года, см.: Сборник [Императорского] Русского Исто-

рического Общества (СПб.). 1873. Т. 12. С. 244 — 250. Пересказанные докладчиком замечания дипломата см.: Там же. С. 248 — 249.

⁷⁵ См.: Там же. С. 249 («<...> Международные законы не могли достигнуть особенных успехов в стране, где нет ничего похожего на университет»).

⁷⁶ Некто де Лави в 1715 — 1721 годах являлся французским морским комиссаром (коммерческим агентом) в России. Его донесения во Францию опубликованы. См.: Сборник Императорского Русского Исторического Общества (СПб.). 1881. Т. 34. С. 97 — 395 (по указателю); а также: *Крылова Т. К.* Торговая политика Петра I в странах юго-западной Европы (1700 — 1725 гг.) // Ученые записки / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1941. Т. 39. Кафедра истории СССР / Отв. ред. И. С. Смолен. С. 92 — 94; Дипломатические представители Франции в России, 1702 — 1995 годы // Россия и Франция. XVIII — XX века. М., 1995. [Вып. 1]. С. 361.

⁷⁷ [*MacArtney G.*]. An Account of Russia: 1767. London, 1768.

⁷⁸ [*Его же*]. An authentic Account of an Embassy from the King of Great Britain to the Emperor of China <...>. London, 1797. Vol. I — II.

⁷⁹ «Journal des savants» («Журнал ученых» (*фр.*)) — старейший в Европе журнал, основан в Париже в 1665 году.

⁸⁰ Journal des savants (Paris). 1726. Vol. 80. Decembre. P. 518 — 531.

⁸¹ См.: New memoirs of littérature containing an account of new books. 1726. May — June. P. 454. (*Примечание Шамрая*).

⁸² Граф (с 1797 года) Семен Романович Воронцов (1744 — 1832) — дипломат; с 1785 по 1806 годы (с перерывом в 1800 — 1801-м) посланник (посол) в Англии, где оставался затем до своей кончины. Граф Иван Андреевич (Йохан) Остерман (1725 — 1811) — дипломат; с 1757 года состоял в русских посольствах во Франции и Швеции, с 1783 по 1797 годы возглавлял Коллегию иностранных дел.

⁸³ Николай Иванович (Николаус) фон Фусс (1755 — 1825) — швейцарский математик, механик, астроном, педагог; с 1773 года работал в России, адъюнкт (1776), ординарный академик (1783) Императорской АН, с 1800 года до своей кончины — непреременный секретарь этого учреждения. Прохор Игнатьевич Суворов (1750 — 1815) — математик, педагог; профессор Императорского Московского университета. Василий Никитич Никитин (1737 — 1809) — математик.

⁸⁴ Архив князя Воронцова. М., 1876. Кн. 9, ч. 2. Бумаги графа Семена Романовича Воронцова. С. 408.

⁸⁵ Адольф Павлович Юшкевич (1906 — 1993) — математик, историк.

⁸⁶ Иван Иванович Шувалов (1727 — 1797) — государственный деятель; основатель Императорского Московского университета, президент Императорской АХ с 1757 по 1763 годы, генерал-адъютант (1760).

⁸⁷ Издания с 1874 по 1930 годы отражены в карточном каталоге Отделения «Россика».

⁸⁸ Catalogue des nouvelles acquisitions en langues étrangères pendant l'année <...> = Каталог иностранных книг, приобретенных Библиотекою за <...> год: № 1 — 20. СПб., 1864 — 1895.

⁸⁹ Систематический каталог Отделения «Россика» составлен в карточной форме.

⁹⁰ См. примеч. 59 на с. 208 наст. изд.

⁹¹ Газеты коллекции «Россика» отражены в указателе: Каталог газет на иностранных языках в фондах ГПБ: 1631 — 1916 гг. / ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1967. Вып. 1 — 2.

⁹² 27 сентября (10 октября) 1916 года датирован протокол заседания комиссии для обсуждения вопроса о реформах в Отделении «Россика». В работе этой организации принимали участие, под председательством помощника директора библиотеки Эрнеста Леопольдовича (Львовича) (Эрнста Густава Вильгельма) Радлова (1854 — 1928), библиотекари В. Э. Банк, А. И. Браудо, А. В. Карташев, А. Э. фон Шмидт, а также помощники библиотекаря Д. Д. Шамрай и И. И. Яковкин. См.: ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1-а, 1916, д. 3.

⁹³ См. примеч. 73 на с. 209 наст. изд.

⁹⁴ Эти издания учтены в указателе: *Садилова Н. М.* Диссертации и монографии русских ученых XV — XIX вв. по медицине на иностранных языках: (Библиогр. указ.) / ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1956 — 1957. Т. 1 — 2.

⁹⁵ Артур Вильгельм Глее (1867 — не ранее 1937?) — немецкий лингвист, этнолог, педагог.

⁹⁶ Имеется в виду монография: *Gleye A. [W.]*. Hettitische Studien. Leipzig: O. Harrassowitz, 1910. [Т.] I. Она была выпущена в свет в составе журнала: Известия Императорского Томского Университета (Томск). 1910. Кн. XXXIX. [Отд. 2]. С. 1 — 118. Второй том названного сочинения вышел также в Лейпциге, в 1932 году.

⁹⁷ Упомянут путешественник, географ, этнограф академик Степан Петрович Крашенинников (1711 — 1755). Имеется в виду его книга «Описание Земли Камчатки» (СПб., 1755. Т. 1 — 2).

⁹⁸ [*Krashennnikov S. P.*]. The History of Kamtschatka, and the Kurilski islands / With the countries adjacent, illustrated with maps and cuts; translated into English by James Grieve. Gloucester, 1764.

⁹⁹ The Critical Review, or Annals of Literature by Society of Gentlemen (London). 1764. Т. XVII. P. 81.

¹⁰⁰ Petropoli, 1758. Т. IV (*Примечание Шамрая*).

¹⁰¹ The Critical Review, or Annals of Literature by Society of Gentlemen (London). 1761. Т. XI. P. 489 — 490.

¹⁰² Упомянут американский историк Уиллис Джордж Сворц. Имеется в виду его публикация: *Swartz W. G.* Anglo-Russian rivalry in the Far East 1895 — 1905 // Studies University of Iowa. Studies in the social sciences. 1932. Vol. X. № 2. New Series. № 240. Abstracts in history. P. 158 — 170.

¹⁰³ Речь идет о документах парламента Великобритании, они хранились в Юридическом отделении ИПБ (РИБ).